

**Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт всеобщей истории РАН
Российское историческое общество
(Поволжское отделение)
Российское общество интеллектуальной истории
(Казанское отделение)**

**ИСТОРИК В ИСТОРИЧЕСКОМ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ
ВРЕМЕНИ**

**Материалы Международного форума,
посвященного 100-летию со дня рождения
профессора А.С. Шофмана
Казань, 13–15 ноября 2013 г.**

**Казань
2013**

стом предстает сразу припоминающееся поведение Перикла, который, наоборот, всячески подавлял в себе дружеские чувства, говорил, что «моя дружба – только до алтаря» (Plut. Mor. 186b) и т.п. Перикл, возросший в среде, где дружеские связи значили очень много, сознательно отрекся от них; Агесилай, возросший в такой среде, в которой дружеские связи, в общем-то, не были необходимы (царский статус заменял их), тем не менее культивировал эти связи.

Долго живший Агесилай всей своей судьбой воплотил и повторил исторический путь Спарты. Что мы имеем в виду? Спарта и спартанцы, со всеми ее и их «плюсами» и «минусами», доблестями и пороками, двигались до некоего определенного момента по пути подъема, восхождения, а после этого момента – по пути падения. Впрочем, даже и в самом падении гордое государство лакедемонское не утратило некой чести, сохранило авторитет (и, безусловно, амбиции). «Спартанский мираж» жил еще в сердцах Ксенофонта (большого друга Агесилая) и даже Платона, хотя им довелось застать не лучшие времена любимого ими полиса.

Та «точка пика», с которой началось движение вниз, фиксируется для Спарты довольно однозначно: это отрезок 404–379 гг. до н.э. Именно тогда и взошла звезда Агесилая, и засияла максимально ярким блеском. С тем, чтобы потом, в результате многочисленных перипетий, не то чтобы потухнуть, а – как и звезда самой Спарты – излучать разве что какой-то остаточный свет... И тоже сохраняя при этом амбиции, основанные на прежней славе. Так, в Египте Агесилай явно вел себя куда более высокомерно, чем другие приглашенные туда эллинские полководцы. И это при том, что – приходится констатировать грустный факт – человек, признававшийся некогда едва ли не суперарбитром всей Эллады (именно таков был статус Агесилая на протяжении большей части 380-х и 370-х гг. до н.э.) окончил свою жизнь как наемник на службе у фараона.

Нам припомнилась узнанная еще в школе биологическая формула: «Онтогенез повторяет филогенез». Применительно конкретно к Агесилаю она представляется удивительно верной. Спарта в первые века своей истории знала взлет, приведший ее к положению морального лидера Эллады, затем застыла в горделивой изоляционистской стагнации и в конце концов окунулась в пучину кризиса. Ровно так же и с Агесилаем! Его основные подвиги были совершены на заре его карьеры как царя, в 390-е гг. до н.э. (военные действия против персов в Малой Азии, битва

при Коронее и др). Потом же он как бы «упокоился на лаврах», а кончил тем, что стал этаким «рыцарем бедным».

Агесилай был воплощением спартанца по преимуществу и, так сказать, символом Спарты даже в каких-то конкретных нюансах своего поведения. Многократно он, приводя разные благовидные отговорки, отказывался от участия в военных кампаниях, не брал на себя командование, препоручая его военачальникам меньшего масштаба. Разве это не напоминает то, как поступали спартанцы в целом на протяжении значительной части классической эпохи? Они умели воевать лучше всех в Греции, но делать это откровенно не любили и всякий раз вступали в ту или иную войну лишь под сильным давлением необходимости, после долгих колебаний.

IV в. до н.э. для греческого мира – время предэллинизма, эпоха зарождения и формирования новых тенденций, совершенно чуждых полисному бытию предшествовавшего столетия, но притом подготовлявших совершенно иную социокультурную «вселенную», вступившую в свои права уже после Александра. Агесилай не был представителем и выразителем этих предэллинистических тенденций, он воплощал собой уходящий мир полиса.

Э.В. Рунг

(Казанский федеральный университет)

Ментор и Мемнон

– братья-родосцы на персидской службе¹

В историографии, особенно в работах, посвященных Александру Македонскому, общепринято называть Ментора и Мемнона, двух братьев-родосцев на персидской службе, кондотьерами, предводителями наемников, наемными военачальниками. Это, конечно, верно, но следует внести некоторые корректировки в эту точку зрения. Во-первых, оба деятеля, помимо службы в качестве наемников, а точнее все же, предводителей наемников, добились занятия важных военных и административных постов в Ахеменидской империи, которые до них занимали исключительно лица мидо-персидского происхождения, так или иначе связанные родственными узами с династией Ахеменидов. Во-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00088 «Патриотизм и предательство в античном мире».

вторых, и Ментора и Мемнона с персами связывали также родственные узы, а не только коммерческие отношения, как это часто обстоит с другими наемными командирами на персидской службе.

Первый вопрос, который представляется необходимым рассмотреть в рамках данной работы, это вопрос о том, каким образом эти люди греческого происхождения оказались на персидской службе. Как правило, для большинства греков было два наиболее распространенных способа оказаться в качестве подданных персидского царя – наёмничество и/или эмиграция в Персию. Собственно говоря, вероятнее всего Ментор и Мемнон пошли уже проторенным путем, то есть оказались и эмигрантами и наемниками одновременно. Однако, обстоятельства, при которых оба брата оказались на территории Ахеменидской державы, невозможно установить с определенностью.

Возможно, переезд Ментора и Мемнона на материк, в Малую Азию, был связан с тем, что их родина, Родос, после 355 г. до н.э. оказался под властью Персии. Этот остров, бывший независимым по условиям Анталкидова мира 386 г. до н.э. и членом Второго Афинского морского союза с 378 г., подпал после 355 г. до н.э. под власть Мавсола Карийского – подданного персидского царя, и, таким образом, вплоть до времени Александра Македонского находился под персидским контролем. Вероятно, оба предприимчивых брата посчитали персидскую службу хорошим подспорьем для начала своей военно-политической карьеры. Их дальнейшее продвижение по службе во многом было связано с установлением родственных связей с одним из влиятельных персидских сатрапов – Артабазом, наместником в Геллеспонтской Фригии (Dem. XXIII. 157; Diod. XVI. 50. 3–4).

Однако, уже вскоре восстание Артабаза против Артаксеркса III вынудило братьев-родосцев присоединиться к своему родственнику-покровителю (Dem. XXIII. 157), и, казалось бы, этот их поступок был способен навсегда прервать их военно-политическую деятельность. Потерпев неудачу в войне против царя, Артабаз и Мемнон нашли пристанище в Македонии при дворе Филиппа II (Diod. XVI. 52. 3; Curt. V. 9. 1), а Ментор нанялся на службу к египетскому царю Нектанебу II (Diod. XVI. 42. 2; 45. 1). Как Филипп, так и Нектанеб занимали враждебную позицию по отношению к персам, и эмиграция братьев-родосцев ко двору названных царей была продуманным с их стороны шагом, ибо в этой ситуации они ощущали себя в относительной безопасности и могли не опасаться выдачи. Однако, если Мемнон в

Македонии очевидно оставался политически пассивным, то Ментор, напротив, командуя греческими наемниками Нектанеба, продолжил свою военную деятельность.

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть, это обстоятельства возвращения Ментора и Мемнона на персидскую службу и продолжения их карьеры снова уже в Персии. Инициатива в этом исходила от Ментора. Он, направленный с наемниками в Сидон, перешел на сторону персов и поспособствовал захвату этого финикийского города (Diod. XVI. 42. 2; 45. 1; 47. 4). За это его предательство Артаксеркс простил Ментору прежнюю нелояльность и даже назначил его одним из командиров персидской армии, готовящейся к покорению Египта (Diod. XVI. 49. 7; 50. 1, 3). Участие же в египетской кампании персов, во-первых, укрепило доверие к Ментору со стороны царя, а во-вторых, поспособствовало установлению старшего из братьев оказавшихся впоследствии полезными связей с коллегой по военному командованию, евнухом Багом (Diod. XVI. 50. 5–6). В любом случае, эти два фактора привели к стремительному возвышению Ментора. Он был назначен главнокомандующим и сатрапом в Малой Азии – «военачальником прибрежных частей Азии» и «сатрапом побережья Азии» (Diod. XVI. 50. 7; 52. 2), фактически разделив административное и военное управление над Ахеменидской империей со своим соратником Багом – последний был назначен сначала наместником «верхних сатрапий», а затем и хилиархом, сосредоточив в своих руках всю полноту власти в государстве (Diod. XVI. 50. 8). Результатом исключительно высокого положения Ментора в Персии было то, что он добился прощения царя по отношению к своему тестю и брату и возвращения Артабаза и Мемнона из их изгнания назад в Малую Азию (Diod. XVI. 52. 3).

Еще один вопрос связан с выяснением причин и обстоятельств укрепления позиций Мемнона, что приходится на время войны Персии с Македонией при Филиппе и Александре. Ментор умер ок. 340 г. до н.э., очевидно, так и не сумев передать свои полномочия младшему брату. По крайней мере, Мемнон не фигурирует в качестве военачальника в первый год персидской войны Филиппа II, но был назначен в качестве такового только после воцарения Дария III в Персии в 336 г. до н.э. (Diod. XVII. 7. 2). Однако даже и в этом случае, Мемнон не «унаследовал» статус его брата, а довольствовался должностью командира наемников (Diod. XVII. 7. 2; Polyae. V. 44. 3). Роль Мемнона в войне с военачальниками Филиппа в Малой Азии неправомерно преувеличивается в историографии; между тем тот не сумел добиться

ни одного, очевидно, значимого результата, во многом, не вследствие отсутствия у него качеств военачальника (об этих качествах см.: Diod. XVII. 7. 2; 18. 2), а из-за неспособности или же нежелания взаимодействовать с малоазийскими сатрапами. Их разногласия о тактике ведения войны (Мемнон предлагал тактику «выжженной земли» и перенесение боевых действий на территорию врага) наиболее отчетливо проявились на совещании царских военачальников в Зелее уже после высадки Александра в Малой Азии (Diod. XVII. 18. 1–4; Arr. An. I. 12. 8–10). Однако, вследствие гибели многих из них в битве при Гранике весной 334 г. до н.э., во-первых, были устранены влиятельные соперники Мемнона, а во-вторых, появились персептивы его дальнейшего продвижения по службе, чему поспособствовало его родство с Артабазом, доверенным советником Дария III (Arr. An. III. 23. 7; Curt. V. 9. 1; VI. 5. 1).

Именно после битвы при Гранике Дарий назначил Мемнона главнокомандующим в Малой Азии – «военачальником малоазийского побережья» и «предводителем флота» (Diod. XVII. 23. 5–6, 29. 1; Arr. An. I. 20. 2; II. 1. 2). Таким образом, царь сосредоточил в его руках сухопутное и морское командование, которым Мемнон обладал вплоть до своей смерти в 333 г. до н.э. Очевидно, Дарий возлагал большие надежды на Мемнона, поддержав и его план ведения войны против Александра (заклучавшийся, в конечном итоге, в перенесении военных действий в Македонию и Грецию) и отказавшись от этого плана только после смерти этого военачальника (Diod. XVII. 30. 1–5), начав подготовку к военной кампании, завершившейся поражением персидской армии под его собственным командованием в битве при Иссе. В связи с этим важно заметить то, что Мемнон, таким образом, приобрел положение, которое, во-первых, было почти что аналогично тому положению, которым обладал его старший брат Мендор почти десять лет ранее (мы не можем утверждать с определенностью обладал ли Мемнон статусом сатрапа), а во-вторых, прежде такое положение было доступно только высокопоставленным персам, таким как Кир Младший, который был назначен военачальником и сатрапом в конце Пелопоннесской войны.

Случайно ли это или вполне закономерно, что такие *homines novi*, как Мендор и Мемнон, достигают исключительных высот в Персидской империи? Может ли карьера братьев-родосцев свидетельствовать о процессе «интернационализации» политической элиты в Ахеменидской империи, и если так, может ли считаться этот процесс характерной особенностью Персии или же

указывает на кризисные явления в государстве Ахеменидов? Поставленные вопросы требуют дальнейшего исследования с привлечением других примеров высокого положения, которое занимали в Персии представители различных этнических и политических общностей.

И.В. Востриков

(Казанский федеральный университет)

Эпиграфические свидетельства о военной организации Афин конца IV–III в. до н.э.¹

Существование вооруженных сил, как одного из основополагающих государственных институтов, неразрывно связано с историей конкретного государства. Особенности государственного устройства, а также внешние и внутривнутриполитические факторы определяли структуру военной организации в целом. В антиковедении особое внимание уделяется Афинам и афинским вооруженным силам. Однако исследователи мало обращаются к истории полиса и его военной организации в эллинистический период.

В данной работе мы обратимся к изучению военной активности афинян и функционированию военной организации Афин в конце IV–III в. до н.э. (от окончания Ламийской войны до возвращения Пирея в 229 г. до н.э.)

В результате анализа исторического материала можно выделить определенные аспекты военной деятельности афинян. Прежде всего, следует отметить, что в указанный период Афины перестают быть мощной военной державой греческого мира. После Ламийской войны 323–322 гг. до н.э., за исключением участия отряда афинской кавалерии и пехоты в отражении нашествия кельтов на Грецию, Афины не вели боевых действий за пределами своего полиса. Это связано, прежде всего, с тем, что афиняне были вынуждены бороться с македонской гегемонией, которая выражалась в присутствии македонских гарнизонов в Аттике.

Особенностью изучения военной организации Афин в означенный период является скудость сведений, представленных античными авторами. Поэтому основным источником по военной

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00088 «Патриотизм и предательство в античном мире».